Игорь СИЛАНТЬЕВ

Игорь Силантьев родился в 1960 г., живет в Новосибирске. Доктор филологических наук. Профессор. Главный редактор журналов «Критика и семиотика» и «Сибирский филологический журнал». Проза публиковалась в журнале «Звезда» и «Квадрига Аполлона», стихи в журналах «Крещатик», «Просодия», «Футурум Арт», «Дети Ра», «Двоеточие», «Квадрига Аполлона», «Сибирские Огни» и в различных сборниках и альманахах. Автор четырех книг стихотворений и короткой прозы.

***

Поеду ли я в Питер,
Поеду ли в Самару,
Поеду ли в Коломну,
А то и в Сыктывкар,
Везде я первым делом
На Красную на площадь
Торжественно иду.

А там цветут ромашки,
Подпрыгивают птички,
Там бабочки порхают,
Жужжит лениво шмель.
И бодрые коровы
Пощипывают травку
Под стенами Кремля.

А рядом с мавзолеем
В платках и сарафанах
В теньке сидят бабуси
С айфонами в руках.
Болезни и прохожих
Неспешно обсуждают
И семечки грызут.

И в грохоте мотора
Отважно управляет
Уралом-мотоциклом
И едет прямо в Кремль
В фуражке капитанской
Сам местный участковый,
А может, президент.

И я ломаю шапку
И кланяюся в пояс
Вослед огню и дыму
Из выхлопной трубы.
Не зря, однако, съездил
В Тамбов я и Воронеж,
И в славный град Орел.

***

Маленьким мальчиком я очень боялся
Спрятавшегося под кроватью бабая.
Бабай этот п***о*** полу скребся когтями,
Глазищи таращил и искрами сыпал,
А также трубой завывал и ухал.

С тех пор я вырос в большого дядю.
Давно мои умерли папа и мама.
И дом родительский я покинул.
Работаю на очень важной работе.
Бояться вообще перестал по жизни.

А тут полез под кровать за тапком,
И вот он, бабай, – когтями скребется,
Таращит глазищи и сыплет искры,
И ухает ветром в трубе и воет.
Сел я, как маленький, и заплакал.

***

Человек зашел в лифт и кнопку нажал
На самый на верхний этаж.
Ну надо ему было туда.

А лифт этот взял и двинулся вниз.
Плавно так, тихо, но вдруг.
И музыка грустно звучит.

Но ниже ведь первого уехать нельзя!
И музыка, откуда она?
Стоит человек, как лежит!

Так это ж я умер! – догадался человек.
И руки скрестил на груди.
И круглые закрыл глаза.

А лифт опустился до цокольного этажа
И в него со шваброй, с ведром
Уборщица Клава вошла.

Человек тетю Клаву обнял горячо
И заплакал горячей слезой.
А музыки больше нет.

***

А сейчас, так и быть, расскажу вам секрет такой,

Что в любом автомате кофейном спрятан таджик.
Вот подходит мужик и насовывает в щель монет.
А таджик наливает из чайника кофе в стакан
И протягивает из автомата стакан мужику.
Ну а чтобы мужик не просек, что таджик внутри,
Тот гудит и дрожит старательно, будто мотор.

Слышь, таджик, вылезай ты из этого ящика вон.
Я тебя обниму и спрошу, как тебя, друг, зовут.
Автомат мы кофейный повалим на землю и пнем.
И пойдем мы по улицам вниз до широкой реки.
Будем взглядами мы провожать красивый закат.
Еще весело женщинам будем руками махать.
Слышь, таджик, я тебя раскусил, давай вылезай!

***

Когда стану я совсем уже крохотным старичком,
То возьму и побросаю городскую эту жизнь
И в деревне в избушке на отшибе поселюсь,
Буду пенсию на почте ежемесячно получать.
Не большую и не малую. А на обратном пути
Покупать я в сельпо буду красное вино.

А как выпью вина, так отправлюсь я в сад
И прилягу под яблонями в тихой траве,
И с прищуром задорным на небо взгляну,
И покличу к себе с облачка красных дев.
Только небо крохотного старичка засмеет
И завалит его красными яблоками навсегда.

Мне беззубому и яблочки-то нечем жевать.
Подгребу их под бок и безропотно засну.

***

Шел один человек, а потом его нет.
Только камешек на повороте лежит.
Шел другой человек, и тоже пропал.
И с камешком рядом лежит сучок.
И третий за ними отправился в путь.
И вроде ничего, миновал поворот.
Миновал ведь.

***

И когда проходил я по рынку мимо ларька с одеждой,
То встретил тебя. Ты была возбужденная вчера, живая,
А сегодня у ларька под дождем уже никакая мерзла.

Пластмассовые ноги и талия, а выше ничего больше.
Манекен, на который напялены дешевые джинсы.
А босые ступни жмутся на грязном асфальте.

Я схватил тебя в охапку и понес и побежал с рынка.
А за мной погнались эти крики все и топот и злоба.
Ну что поделать, меня приняли за базарного вора.
А я тебя спасал, ту, которая вчера еще была другая,
Возбужденная и живая, а сегодня под дождем в пластмассе.
Но все равно это ты. И что дальше нам будет, не знаю.

Только догнали меня и тебя отобрали. А назавтра
Я был рядом с тобой, я безногий, безрукий, безгласный.
Голова одна и торс. Манекен для шарфов и шапок.
И на безликом лице моем ни глаз и ни рта и ни носа.
А когда дождь утихает, то ветер приносит нам пыли.
И воробушки налетают и чирикают неприхотливо.

***

И я коллекционировал почтовые марки.
И больше других мне нравились рыбки
На марках далекой страны Бурунди.

Какие же невероятные они все были!
Тиляпии, дистиходы и аулонокары!
И лабидохромы, и какие-то фахаки!

Но больше других мне нравилась рыба
Мбу.

То была рыба с человеческими глазами
И голосом моего старшего брата.
Мы вдрызг напились с ним в мои двадцать,
Я рыдал на плече у него зачем-то.

Шелестит занавес папиросной бумаги.
Ею проложены альбомные страницы.
Рыба мбу уплывает в мою память.